

Эрих
ФРОММ

Теория
Зигмунда
Фрейда

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Эрих Фромм

**Теория Зигмунда
Фрейда (сборник)**

«Издательство АСТ»

1959

УДК 159.9
ББК 88.6

Фромм Э.

Теория Зигмунда Фрейда (сборник) / Э. Фромм — «Издательство АСТ», 1959 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-113571-3

Интерес к теориям Зигмунда Фрейда, оказавшим значительное влияние на психологию, медицину, социологию, антропологию и искусство XX века, не прекращался всю его жизнь и продолжается по сей день. Эрих Фромм, второй гений от психологии, анализирует тезисы теории своего кумира, открывая новые грани во всемирно известном учении. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88.6

ISBN 978-5-17-113571-3

© Фромм Э., 1959
© Издательство АСТ, 1959

Содержание

Миссия Зигмунда Фрейда	6
I	6
II	10
III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эрих Фромм

Теория Зигмунда Фрейда

SIGMUND FREUD'S MISSION

First published by Harper & Brothers, New York, in the "World Perspectives" Series edited by Ruth Nanda Anshen.

GREATNESS AND LIMITATIONS OF FREUD'S THOUGHT

© Erich Fromm, 1959

© The Estate of Erich Fromm, 1980

© Перевод. А.В. Александрова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Миссия Зигмунда Фрейда

I

Страсть Фрейда к истине и его мужество

Психоанализ, как любил подчеркивать сам Фрейд, был его созданием. И великие достижения, и недостатки этого учения несут отпечаток личности своего основателя. Не приходится сомневаться, что истоки психоанализа следует искать в личности Фрейда.

Что он был за человек? Какие движущие силы заставляли его действовать, думать и чувствовать именно так, как он это делал? Был ли он, как утверждали его враги, венцем-декадентом, погруженным в чувственную и распущенную атмосферу, типичную, как принято думать, для Вены, или великим мастером, лишенным личных недостатков, тщеславия и себялюбия, бесстрашным и бескомпромиссным в своем поиске истины, любящим свою семью, добрым к ученикам и справедливым к врагам, каким считают его самые верные последователи? Несомненно, и обличения, и героизация мало что дадут для понимания сложной личности Фрейда; не помогут они и оценить воздействие его личности на структуру психоанализа. Та самая объективность, которую Фрейд считал необходимой предпосылкой при анализе пациентов, незаменима при попытке создать картину того, кем он был и что им двигало.

Наиболее заметными и, возможно, самыми мощными эмоциональными силами Фрейда были *его страсть к поиску истины и бескомпромиссная вера в разум*. Для него разум был единственной человеческой способностью, которая могла помочь разрешить проблему существования или по крайней мере облегчить страдания, неизбежные в человеческой жизни.

На взгляд Фрейда, только разум был тем инструментом – или оружием, – с помощью которого можно понять смысл жизни, избавиться от иллюзий (религиозные догмы Фрейд считал лишь одной из них), сделаться независимым от сковывающей власти авторитетов и тем самым стать хозяином себе. Эта вера в разум была основой его непреклонного поиска истины, стоило ему только обнаружить теоретическую закономерность в сложности и многообразии наблюдаемых феноменов. Даже если с точки зрения здравого смысла результаты казались абсурдными, это Фрейда не беспокоило. Напротив, насмешки толпы, чье мышление определялось стремлением к удобству и спокойному сну, только подчеркивали различие между убеждением и мнением, разумом и здравым смыслом, истиной и рационализацией.

В своей вере в силу разума Фрейд был сыном века Просвещения. Его девизом – *Sapere aude* («Смей знать») – Фрейд руководствовался и в жизни, и в работе. Эта вера исходно порождалась освобождением европейского среднего класса от ограничений и предрассудков феодального общества. Спиноза и Кант, Руссо и Вольтер, как бы ни различалась их философия, разделяли эту страстную веру в разум; все они боролись за новый, истинно просвещенный, свободный и гуманный мир. В XIX веке это стремление продолжало существовать среди представителей среднего класса Западной и Центральной Европы, в особенности среди ученых, посвятивших себя прогрессу естественных наук. Еврейское происхождение Фрейда¹ только способствовало его приверженности духу просвещения. Сама еврейская традиция основыва-

¹ О том же говорит Элен Уокер Пьюнер в своей превосходной биографии Фрейда [8]. Ее книга – самая проникновенная биография Фрейда; во многих отношениях, особенно в том, что касается еврейского происхождения Фрейда и квазирелигиозного характера психоаналитического движения, мои заключения очень близки к высказанным ею. Исчерпывающий анализ связей Фрейда с еврейским окружением содержится в работе Эрнста Саймона «Зигмунд Фрейд, еврей» (Ежегодник II Института Лео Бека, Л., 1957. С. 270ff). Я также признателен профессору Саймону за прочтение данной рукописи и ряд ценных критических замечаний.

лась на разуме и интеллектуальной дисциплине; кроме того, подавляемое и презируемое меньшинство испытывало сильное эмоциональное стремление к поражению сил тьмы, иррациональности, суеверий, которые препятствовали его освобождению и прогрессу.

В дополнение к общей тенденции, свойственной европейской интеллигенции конца XIX века, в жизни Фрейда существовали особые обстоятельства, возможно, усилившие его стремление полагаться на разум, а не на общественное мнение.

В отличие от других западных держав Австро-Венгерская монархия при жизни Фрейда была разлагающимся трупом. Она не имела будущего, и разные части страны удерживались вместе исключительно силой инерции, несмотря на то что национальные меньшинства яростно стремились к независимости. Это состояние политического упадка и развала не могло не вызвать у интеллигентного подростка подозрений и не разбудить его ищущий ум. Противоречие между официальной идеологией и фактами политической реальности неизбежно должно было вызвать сомнения в словах, лозунгах, заявлениях властей и укрепить его критическое отношение к действительности. В случае Фрейда этому способствовало и еще одно обстоятельство. Его отец, преуспевающий мелкий предприниматель из Фрейберга (Богемия), потерял свое дело из-за общих перемен в экономике Австрии, которые разорили его и привели к обнищанию Фрейберга. Подростком на собственном горьком опыте Фрейд узнал, что экономической стабильности доверять следует так же мало, как и политической, что никакая традиция или общественное устройство не обеспечивает безопасности и не заслуживает доверия. К чему же все это могло привести необыкновенно одаренного мальчика, кроме как к выводу о том, что полагаться можно только на себя и на свой разум как на единственное надежное оружие?

Таковыми же были обстоятельства, в которых росли многие другие мальчики, однако они не стали Фрейдами; не возникло у них и страстной жажды истины. В личности Фрейда должны были присутствовать особые качества, которые отвечали за необыкновенную интенсивность этой жажды.

Что это были за качества?

Несомненно, в первую очередь следует подумать об интеллектуальной одаренности и жизненной силе, далеко превосходящих средний уровень, которые были присущи Фрейду от природы. Такой необыкновенный дар в сочетании с философией Просвещения и отказом от обычного доверия к словам и идеологиям – одного этого могло бы хватить для объяснения стремления Фрейда полагаться на разум. Могли наличествовать и чисто личные факторы: например, желание добиться успеха, что тоже предполагало опору на разум, поскольку никаких других преимуществ, будь то деньги, высокое социальное положение или физическая сила, в распоряжении Фрейда не имелось. Если присмотреться к еще более глубоким чертам характера Фрейда, которые, возможно, объясняли его страсть к истине, необходимо отметить некоторые отрицательные элементы: отсутствие эмоционального тепла, привязанностей, любви и наслаждения жизнью. Это может звучать как неожиданное утверждение применительно к человеку, который открыл «принцип удовольствия» и считался поборником сексуальных наслаждений, однако факты говорят о таких качествах Фрейда достаточно ясно, чтобы не осталось никаких сомнений. Позднее я приведу некоторые доказательства этих заключений; здесь достаточно сказать, что, учитывая дарования Фрейда, культурный климат, специфически европейские, австрийские и еврейские элементы его окружения, молодой человек с его жадой славы и признания, лишенный радостей жизни, должен был искать приключений в сфере знания, если хотел осуществить желание всей своей жизни. Могли существовать и другие обстоятельства, объясняющие эту сторону личности Фрейда. Он был очень неуверенным в себе человеком, легко пугался, чувствовал себя преследуемым, преданным; поэтому, как и следовало ожидать, он испытывал огромное стремление к надежности. Фрейду, учитывая его характер, любовь этого принести не могла; единственную надежную опору ему давало знание, и он должен был

завоевать мир интеллектуально, если хотел избавиться от сомнений и чувства неполноценности.

Джонс, рассматривая страсть Фрейда к истине как «глубочайший и сильнейший мотив в его натуре, тот, который двигал его к пионерным открытиям», предлагает объяснение, соответствующее ортодоксальной психоаналитической теории. В соответствии с ней Джонс указывает, что стремление к знанию «вскормлено мощными мотивами, проистекающими из детского любопытства к первичным фактам жизни» [7; Vol. 2; 433] (рождению и тому, что к нему привело). На мой взгляд, в таком заключении допущена огорчительная путаница: между любопытством и верой в разум. Ранняя и сильная сексуальная любознательность может быть обнаружена у людей с выраженным личностным любопытством, однако представляется, что между этим фактором и страстной жаждой истины связь незначительна. Другой фактор, упоминаемый Джонсом, также не намного более убедителен. Сводный брат Фрейда Филипп был шутником, и «Фрейд подозревал его в связи со своей матерью; он со слезами умолял его не сделать мать снова беременной. Можно ли верить в то, что такой человек, который, очевидно, знал все секреты, скажет правду? Судьба странно пошутила бы, если бы этот незначительный человек – говорят, он кончил тем, что стал разносчиком, – одним фактом своего существования высек счастливую искру, зажегшую в будущем Фрейде решимость доверять только себе одному и подавлять стремление доверять другим больше, чем себе, и тем самым сделать имя Фрейда бессмертным» [7; Vol. 2; 434]. Действительно, странная шутка судьбы, если бы Джонс был прав. Но не является ли это чрезмерным упрощением – объяснять «искру», зажегшуюся во Фрейде, существованием недостойного сводного брата и его сомнительными шуточками?

Говоря о страсти Фрейда к истине и разуму, необходимо упомянуть (хотя это будет обсуждаться ниже, когда мы дойдем до более полного рассмотрения характера Фрейда), что для него разум ограничивался понятием «мысль». Чувства и эмоции *per se* были для него иррациональны и тем самым уступали мысли. Философы века Просвещения в целом разделяли это осуждение чувства и эмоции. Мысль была для них единственным способом достичь прогресса, а разум проявлялся лишь в мысли. В отличие от Спинозы, они не видели, что аффекты, как и мысль, могут быть и рациональными, и иррациональными и что полное развитие человека требует рациональной эволюции того и другого. Они не видели того, что если мысль и чувства разъединены, то и мышление, и чувства искажаются, и что представление о человеке, основанное на таком разъединении, оказывается искаженным тоже.

Эти рационалистические мыслители полагали, что если человек разумом понимает причины своего несчастья, то это интеллектуальное знание даст ему силы изменить обстоятельства, которые вызывают его страдание. Фрейд находился под сильным влиянием такого подхода, и понадобились годы, чтобы преодолеть ожидания того, что одного знания причин невротических симптомов хватит для того, чтобы их излечить.

Описание страсти Фрейда к истине сделало бы его портрет неполным, если бы не дополнялось указанием на одно из его самых необыкновенных качеств – его мужество. Многие люди потенциально обладают стремлением к истине, к правде. Трудным реализацию этого потенциала делает то, что она требует мужества, а мужество встречается редко. Мужество, о котором идет речь применительно к Фрейду, – это мужество особого типа. Доверие к разуму требует готовности рисковать тем, что окажешься в изоляции, в одиночестве, а такая угроза для многих страшнее, чем угроза для жизни. Однако поиски истины неизбежно подвергают того, кто ищет, именно опасности изоляции. Истине и разуму противостоят здравый смысл и общественное мнение. Большинство держится за удобные рационализации и за поверхностный взгляд на вещи. Функция разума – проникнуть глубже этой поверхности и добраться до сути, скрытой за ней; объективно – то есть без оглядки на свои желания и страхи – показать силы, движущие материей и человеком. Такая попытка требует мужества, чтобы вынести изоляцию, а то и презрение и насмешки со стороны тех, кого истина тревожит и кто ненавидит нарушителя соб-

ственного спокойствия. Фрейд обладал такой способностью в высочайшей степени. Его огорчала изоляция, он страдал от нее, однако никогда не проявил даже малейшего желания пойти на компромисс, который облегчил бы его положение. Это мужество было предметом его величайшей гордости; он никогда не думал о себе как о гении, но ценил свое мужество как самое выдающееся качество своей личности. Такая гордость могла даже иногда оказывать негативное влияние на его теоретические формулировки. Он с подозрением относился к любому теоретическому положению, которое могло показаться примирительным, и, как Маркс, находил определенное удовлетворение в том, чтобы говорить вещи *pour épater le bourgeois* (шокирующие буржуа). Определить источники мужества нелегко. В какой степени это был врожденный дар Фрейда? В какой степени он – результат чувства своей исторической миссии, в какой степени – внутренняя сила, связанная с его положением несомненно любимого сына матери? Скорее всего все три источника внесли свой вклад в развитие необыкновенного мужества Фрейда, однако дальнейшее обсуждение этого, как и других черт личности Фрейда, следует отложить до тех пор, пока мы не придем к более глубокому пониманию его характера.

II

Отношения Фрейда с матерью; уверенность в себе и уязвимость

Понимание факторов (не считая конституциональных), которые определяют развитие характера любого человека, должно начинаться с изучения его отношений с матерью. Однако в случае Фрейда мы знаем об этом относительно мало. Впрочем, этот факт сам по себе знаменателен, потому что Фрейд в своих автобиографических трудах о матери почти не упоминал. Среди более чем тридцати собственных снов, которые он приводит в «Толковании сновидений», лишь два касаются его матери (усердный сновидец, Фрейд наверняка видел гораздо больше снов, в которых она фигурировала, но сообщать об этом не захотел). Те два, о которых идет речь в «Толковании сновидений», выражают глубокую привязанность. Ниже приводится «сон о трех судьбах».

«Я вошел в кухню в поисках пудинга. Там оказалось три женщины; одна из них была хозяйкой гостиницы и что-то мяла в руках, как будто лепила клецки. Она ответила мне, что нужно подождать, пока она будет готова (определенных слов при этом не произносилось). Я ощутил нетерпение и вышел, чувствуя себя обиженным. Я надел пальто. Однако первое, которое я померил, оказалось мне длинно. Я его снял, удивившись тому, что оно отделано мехом. Второе, которое я надел, имело длинную полосу вышивки в турецком стиле. Ко мне подошел незнакомец с длинным лицом и короткой торчащей бородой и стал мне мешать, говоря, что это его пальто. Тогда я ему показал, что оно все покрыто турецкой вышивкой. Он спросил: «Какое отношение турецкий узор имеет к вам?» Но потом мы разговаривали друг с другом вполне по-дружески» [4; 204].

В этом сновидении мы узнаем желание Фрейда быть накормленным матерью (то, что хозяйка, а может быть, и все три женщины представляли мать Фрейда, становится ясно из ассоциаций, которые у Фрейда возникли в связи со сновидением). Специфическим элементом сна является нетерпение сновидца. Когда ему было сказано, что нужно подождать, «он вышел, чувствуя себя обиженным». Что же он делает после этого? Он надевает отделанное мехом пальто, которое ему слишком длинно, потом другое, принадлежащее кому-то еще. Мы видим в этом сновидении типичную реакцию мальчика – любимца матери; он настаивает на том, чтобы мать его накормила («кормление» следует понимать символически: как заботу, любовь, защиту, обожание). Он нетерпелив и обижен, если его не «кормят» немедленно, поскольку чувствует, что имеет право на немедленное и полное внимание. В гневе он выходит и принимает на себя роль большого мужчины-отца (что символизирует слишком длинное пальто, принадлежащее кому-то другому).

Другое сновидение, касающееся матери, относится к детству Фрейда, когда ему было семь-восемь лет; он его все еще помнил и подверг толкованию тридцатью годами позже. «Я видел мою любимую мамочку с особенно мирным, сонным выражением лица. Ее внесли в комнату два или три человека с птичьими клювами и положили на постель» [4; 583]. Фрейд помнил, что проснулся в слезах, с криком, – это понятно, если учесть, что ему снилась смерть его матери. Тот факт, что он так живо помнил этот сон после тридцати с лишним лет, показывает его значение. Рассматривая оба сна вместе, мы видим мальчика, ожидающего, что мать исполнит все его желания, и глубоко испуганного мыслью о том, что она может умереть. Впрочем, то обстоятельство, что Фрейд сообщает только о двух сновидениях, если рассматривать его с психоаналитических позиций, возможно, доказывает предположение Эрнеста Джонса, «что в самые ранние годы Фрейд имел чрезвычайно сильную мотивацию скрыть некую важную фазу своего развития – возможно, даже от самого себя. Я рискнул бы предположить, что это

была его глубокая любовь к матери» [7; Vol. 2; 409]. Другие факты, которые нам известны, указывают в том же направлении. Может быть, то, что Фрейд испытывал сильную ревность к своему брату Джулиусу, родившемуся, когда самому Фрейду было одиннадцать месяцев, и что он никогда не любил сестру Анну, которая была на два с половиной года его младше, и не дает особых подтверждений этой гипотезе, но существуют другие, более специфичные и более яркие факты. В первую очередь это его положение любимого сына, которое было подчеркнуто очень драматично событием, случившимся, когда сестре Фрейда было восемь лет. Их мать, «которая была очень музыкальна, заставляла девочку практиковаться на фортепьяно, но хотя это было на некотором расстоянии от «кабинета», звуки так беспокоили юного Фрейда, что он настоял на том, чтобы с фортепьяно расстались; так оно и произошло. В результате никто в семье не получил музыкального образования, как впоследствии и дети самого Фрейда» [7; Vol. 1; 17]. Нетрудно представить себе, какое положение занимал десятилетний Фрейд в глазах матери, если он мог помешать музыкальному образованию членов семьи потому, что ему не нравился «шум» музыки².

Глубокая привязанность к матери нашла выражение в позднейшей жизни Фрейда. Он, который, помимо партнеров по игре в тарок и коллег, мало на кого тратил свое свободное время (включая собственную жену), каждое воскресное утро посещал свою мать и до старости приглашал ее каждое воскресенье к обеду.

Эта привязанность к матери и роль обожаемого любимого сына имели важные следствия для развития характера Фрейда, которые он осознавал и отразил в автобиографических записях: «Человек, который был безусловным фаворитом своей матери, на всю жизнь сохраняет чувство победителя, ту уверенность в успехе, которая часто настоящий успех и приносит» [2; Vol. 4; 367]. Материнская любовь по определению безусловна. Мать любит своего ребенка, в отличие от отца, не за его достоинства, не за его достижения, но потому, что это ее ребенок. Восхищение матери сыном также безусловно. Она преклоняется перед ним и обожает его не за то или иное деяние, а потому, что он – это он и он – ее сын. Такое отношение оказывается особенно выраженным, если сын – любимец матери и к тому же мать обладает большей жизненной силой и воображением, чем отец, и поэтому управляет семьей, как, по-видимому, случилось в семье Фрейда [10; 272]. Обожание матери в детстве приносит то ощущение победы и успеха, о котором говорил Фрейд. Его не нужно приобретать, оно не подлежит сомнению. Подобная уверенность в себе рассматривается как нечто само собой разумеющееся, ребенок ожидает уважения и восхищения, она дает ему ощущение превосходства над средним человеком. Естественно, такой тип выпестованной матерью высочайшей уверенности в себе встречается как у чрезвычайно одаренных людей, так и у посредственностей. В последнем случае мы часто наблюдаем трагикомическое несоответствие между запросами и дарованиями; таланту же бывает обеспечена мощная поддержка для развития его дара. Мнение о том, что Фрейд обладал таким типом уверенности в себе и что она основывалась на привязанности к матери, высказывает и Джонс: «Эта уверенность в себе, – пишет он, – которая была одной из выдающихся черт Фрейда, лишь редко изменяла ему, и Фрейд был, несомненно, прав, относя ее за счет надежности материнской любви» [7; Vol. 1; 5].

Такая сильная привязанность Фрейда к матери, которую он по большей части скрывал от других, а может быть, и от себя самого, имеет величайшую важность не только для понимания характера Фрейда, но и для оценки одного из его фундаментальных открытий – Эдипова комплекса. Фрейд объяснял привязанность к матери вполне рационалистически: как основанную на сексуальном влечении маленького мальчика к женщине, с которой он более всего близок.

² Это характерный пример идеализирующего и неаналитического отношения Джонса к фактам биографии Фрейда: описанный инцидент он называет «иллюстрацией почтения, с которым в семье относились к Фрейду и его занятиям». Таков, конечно, способ объяснения, основанный на здравом смысле, а не на аналитическом, динамическом подходе.

Однако, учитывая интенсивность его любви к собственной матери и тот факт, что он пытался ее подавить, вполне понятно, что он интерпретировал одно из самых мощных побуждений человека – жажду заботы, защиты, всеобъемлющей любви и поддержки матери – как более ограниченное желание маленького мальчика удовлетворить через мать свои инстинктивные потребности. Фрейд открыл одно из самых фундаментальных устремлений человека – желание оставаться связанным с матерью и тем самым с ее лоном, с природой, с до-индивидуальным, до-сознательным состоянием, – и в то же время противоречил своему открытию тем, что ограничил его небольшой частью инстинктивных побуждений. Его собственная привязанность к матери была основой и его открытия, и его сопротивления осознанию того, что его привязанность привела к ограничению и искажению этого открытия³.

Однако привязанность к матери, даже очень благополучная, предполагающая неоспоримую уверенность в материнской любви, имеет не только позитивную сторону, давая абсолютную уверенность в себе; она имеет и негативную сторону, выражающуюся в создании чувства зависимости и в возникновении депрессии, если эйфорическое наслаждение безусловной любовью и восхищением отсутствует. Представляется, что эти зависимость и незащищенность и были центральными элементами в структуре и характера Фрейда, и его невроза.

Незащищенность Фрейда проявилась в виде, очень характерном для орально-рецептивной личности, – в боязни голода. Поскольку безопасность такого человека основывается на уверенности в том, что мать накормит, будет заботиться, любить и восхищаться, его страхи связаны именно с возможностью того, что эта любовь иссякнет.

В письме Флиссу от 21 декабря 1899 года Фрейд пишет: «Моя фобия, если угодно, заключалась в боязни нищеты или скорее голода; она возникла из моей инфантильной прожорливости и была усилена тем обстоятельством, что у моей жены не было приданого» [5; 305]. Ту же тему Фрейд затрагивает в другом письме, от 7 мая 1900 года: «В целом – за исключением одной слабости, моего *страха перед бедностью*, – у меня слишком много здравого смысла, чтобы жаловаться» [5; 318. – Курсив мой. – Э.Ф.].

Этот страх перед обнищанием проявился в один из самых драматичных моментов карьеры Фрейда, когда он уговаривал своих венских коллег, по большей части евреев, принять лидерство цюрихских (в основном неевреев) аналитиков. Когда венцы не захотели принять это предложение, Фрейд заявил: «Мои враги хотели бы видеть меня голодающим; они готовы лишить меня последней рубашки» (цит. по [7; Vol. 2; 69–70]). Это утверждение, даже если учитывать, что оно предназначалось для воздействия на колеблющихся венцев, является совершенно нереалистичным и служит симптомом того же страха перед голодом, о котором Фрейд упоминает в своих письмах Флиссу.

Незащищенность Фрейда нашла и другие выражения. Одним из самых очевидных является его страх перед поездками по железной дороге. Он должен был приехать на станцию за час до отправления поезда, чтобы не опоздать. Как всегда, анализируя подобный симптом, нужно понять его символическое значение. Путешествие часто оказывается символом лишения уверенности, связанной с матерью и домом, символом обретения независимости, отказа от корней. Таким образом, для человека с сильной привязанностью к матери путешествие часто представляется опасным делом, требующим особых предосторожностей. По этой же причине Фрейд избегал путешествовать в одиночку. В своих длительных поездках во время летних каникул он всегда имел спутника, на которого мог положиться, обычно одного из своих учеников, а иногда – сестру жены. Этому же паттерну боязни лишиться корней соответствует и то, что Фрейд жил в одном и том же доме на Берггассе со времени женитьбы до вынужденной

³ Интересно отметить, что великий предшественник Фрейда в открытии силы привязанности к матери, Дж. Дж. Бахофен, также был глубоко привязан к матери (он женился, когда ему было около сорока, после смерти матери). Впрочем, Бахофен не пытался преуменьшить силу этой эмоциональной связи; напротив, он подчеркивал ее значение в своей теории матриархата.

эмиграции из Австрии. Ниже мы увидим, как эта зависимость от матери проявилась в отношениях Фрейда с женой, а также с другими людьми – старшими по возрасту, ровесниками, последователями, на которых он распространял ту же потребность в безусловной любви, преданности, восхищении, защите.

III

Отношение Фрейда к женщинам; любовь

Неудивительно обнаружить, что зависимость Фрейда от матери проявилась и в его отношениях с женой. Самым поразительным является контраст между поведением Фрейда до и после женитьбы. В те годы, когда они были только помолвлены, Фрейд проявлял пылкость, страсть и чрезвычайную ревность. Это показывает цитата из письма к Марте от 2 июня 1884 года: «Горе тебе, моя принцесса, когда я явлюсь. Я зацелую тебя, пока ты не покраснеешь, и закормлю, пока ты не потолстеешь. А если ты проявишь строптивость, ты увидишь, кто из нас сильнее: нежная маленькая девочка, которая ест недостаточно, или большой яростный мужчина с кокаином в теле» (цит. по [7; Vol. 1; 84]).

Шутливое упоминание того, кто сильнее, имеет очень серьезное значение. Пока они были помолвлены, Фрейда преследовало страстное желание иметь полный контроль над Мартой; это желание, естественно, сопровождалось сильной ревностью к любому, кто, кроме него самого, мог вызвать интерес и симпатию Марты. Марта, например, проявляла ранее склонность к своему кузену, Максу Майеру. «Наступило время, когда Марте было запрещено называть его Максом, – только герром Майером» [7; Vol. 1; 100]. В отношении другого молодого человека, влюбленного в Марту, Фрейд писал: «Когда ко мне возвращается воспоминание о твоём письме Фрицу и о дне, проведенном нами в горах Каленберг, я теряю всякий контроль над собой, и будь в моей власти уничтожить весь мир, включая нас, чтобы позволить ему начать все заново, даже несмотря на риск, что ни Марта, ни я не будем созданы, я сделал бы это без колебаний» [7; Vol. 1; 114–115].

Однако ревнивые чувства Фрейда совсем не ограничивались другими молодыми людьми; в равной мере распространялись они и на привязанность Марты к членам ее семьи. Фрейд требовал от Марты, «чтобы она не просто была способна объективно критиковать свою мать и брата и отвергать их «глупые предрассудки» – все это она делала, – но также отказать им во всякой симпатии на том основании, что они – его враги, и ей следует разделять его ненависть к ним» [7; Vol. 1; 123].

Тот же дух виден в реакции Фрейда на брата Марты Эли. Марта доверила ему имевшиеся у нее деньги, которые они с женихом хотели использовать для приобретения мебели в свою квартиру. По-видимому, Эли вложил деньги в дело и не очень хотел возвращать всю сумму немедленно; он предложил, чтобы они купили мебель в рассрочку. В ответ Фрейд предъявил Марте ультиматум, первым пунктом которого было требование, чтобы она написала брату сердитое письмо и назвала того «негодяем». Даже после того как Эли выплатил все деньги, Фрейд потребовал, чтобы «она не писала ему [Фрейду] снова, пока не пообещает порвать все отношения с Эли» [7; Vol. 1; 137].

Эта уверенность в естественном праве мужчины контролировать жизнь своей жены была частью убеждения Фрейда в превосходстве мужчины. Типичным примером такого отношения является его критика в адрес Джона Стюарта Милля. Фрейд превозносит Милля за то, что тот «возможно, лучше всех своих современников сумел освободиться от власти общепринятых предубеждений. С другой стороны, он во многих отношениях оказался лишен чувства абсурдного» [7; Vol. 1; 176]. Что же такого абсурдного было в идеях Милля? Согласно Фрейду, это был его взгляд на «женскую эмансипацию... и вообще женский вопрос». По поводу того факта, что Милль считал возможным для замужней женщины зарабатывать столько же, сколько ее супруг, Фрейд говорит:

«Вообще эту позицию Милля просто нельзя назвать гуманной. На самом деле мысль о том, чтобы послать женщин бороться за существование, как это делают мужчины, мертворожденная. Если бы, например, я представил мою нежную милую девочку в роли соперницы, это

только привело бы к тому, что я сказал бы ей, как и сделал семнадцать месяцев назад, что я ее люблю и умоляю отказаться от борьбы в пользу спокойной, лишенной конкуренции деятельности у меня в доме. Я полагаю, что все реформы в области законодательства и образования будут разрушены тем фактом, что природа определила судьбу женщины – стать красивой, очаровательной и милой задолго до того возраста, когда мужчина может заслужить положение в обществе. Закон и обычай должны дать женщинам многое, чего они были лишены, однако положение женщины наверняка останется таким же, как и теперь: в юности быть обожаемой возлюбленной, в зрелости – любимой женой» (цит. по [7; Vol. 1; 177]).

Взгляды Фрейда на эмансипацию женщин, несомненно, не отличались от взглядов, которых придерживался средний европеец в 80-е годы XIX века. Фрейд средним человеком не был: он восстал против некоторых самых глубоко укорененных предубеждений своего времени, однако в женском вопросе он придерживался традиционной линии и называл Милля «абсурдным» и «негуманным» за взгляды, которые всего лишь через пятьдесят лет стали общепринятыми. Такое отношение ясно показывает, насколько сильной и непреодолимой была потребность Фрейда поставить женщин в подчиненное положение. Тот факт, что его теоретические воззрения отражали именно такую установку, очевиден. Видеть в женщине кастрированного мужчину, отказывать ей в собственной подлинной сексуальности, приписывать ей зависть к мужчине, слабо развитое Суперэго, считать женщину тщеславной и ненадежной – все это лишь слегка рационализированная версия патриархальных предрассудков его времени. Человек, подобный Фрейду, способный видеть глубже поверхности и критиковать традиционные предубеждения, должен был быть движим могучими внутренними силами, чтобы не заметить рационализирующий характер этих якобы научных утверждений [7; Vol. 2; 421].

Тех же взглядов Фрейд придерживался и пятьюдесятью годами позже. Когда он критиковал американскую культуру за ее «матриархальный» характер, его гость и последователь доктор Уортис возразил: «Но не думаете ли вы, что было бы лучше всего, если бы оба партнера были равны?» На это Фрейд ответил: «Это практически невозможно. *Должно существовать неравенство*, и верховенство мужчины – меньшее из двух зол» [11; 98. – Курсив мой. – Э.Ф.].

Хотя годы помолвки Фрейда были полны пламенного ухаживания и ревнивых уговоров, его жизнь в супружестве представляется в значительной мере лишенной активной любви и страсти. Как и при многих традиционных браках, завоевание волновало, но как только оно свершилось, источник страстного чувства иссяк. В ухаживании участвует мужская гордыня; после свадьбы для нее не находится особого повода. В браке такого типа жена должна выполнять единственную функцию – функцию матери. Она должна быть безусловно предана мужу, заботиться о его материальном благополучии, всегда подчиняться его потребностям и желаниям, всегда оставаться ничем для себя не желающей и услужливой – быть, другими словами, матерью. Фрейд был пламенно влюблен до женитьбы – ему нужно было доказать свою мужественность, завоевав девушку, которую он выбрал. Как только завоевание было скреплено печатью брака, «обожаемая возлюбленная» превратилась в любящую мать, на чью заботу и преданность можно было положиться, не проявляя к ней активной, страстной любви.

Насколько потребительской и лишенной эротики была любовь Фрейда к жене, ярко показывают многие выразительные детали. Наибольшее впечатление в этом отношении производят письма Фрейда к Флиссу. Фрейд почти никогда не упоминает о жене, кроме как в совершенно бытовом контексте. Учитывая тот факт, что он в подробностях описывает свои идеи, своих пациентов, свои профессиональные достижения и разочарования, это само по себе весьма показательно, но еще более важно то, что Фрейд, пребывая в депрессии, часто описывает пустоту своей жизни, которая оказывается для него полной, только когда ему сопутствует успех в работе. Он никогда не упоминает о своих отношениях с женой как об источнике счастья. Та же картина видна в том, как Фрейд проводил время дома или во время отпуска. В будние дни Фрейд принимал пациентов с восьми до часа, потом обедал, прогуливался в одиночестве,

работал в своей приемной с трех до девяти или десяти, потом совершал прогулку с женой, невесткой или дочерью, и наконец, до часа ночи занимался корреспонденцией и написанием статей, если только в тот вечер не бывало назначено какой-либо встречи. За обедом, как правило, члены семьи друг с другом общались мало. Хорошим примером этого служит привычка Фрейда «приносить свое последнее антикварное приобретение, обычно небольшую статуэтку, и ставить ее на обеденном столе перед собой как собеседницу. Потом статуэтка возвращалась на его письменный стол, но приносилась к обеду еще день или два» [7; Vol. 2; 393]. По воскресеньям утром Фрейд навещал свою мать, среди дня встречался с коллегами-аналитиками, к обеду приглашал свою мать и сестер, а затем работал над своими рукописями [7; Vol. 2; 384]. Его жена обычно во второй половине дня принимала своих друзей, и об интересе Фрейда к жене красноречиво говорит тот сообщаемый Джонсом факт, что, если среди ее посетителей оказывался «кто-то, кем Фрейд *интересовался*, он на несколько минут появлялся в гостиной» [там же. – Курсив мой. – Э.Ф.].

Фрейд много времени посвящал летним путешествиям. Период каникул был великолепной возможностью компенсировать тяжелую непрерывную работу в остальную часть года. Фрейд обожал путешествовать, а делать это в одиночку не любил. Однако время отпуска использовалось лишь отчасти для того, чтобы восполнить те немногие часы, которые он проводил с женой дома. Как уже говорилось, он странствовал за границей со своими друзьями-психоаналитиками или с сестрой жены – но не с женой. Этому факту дается несколько объяснений – одно самим Фрейдом, другое – Джонсом. Последний пишет: «Его жена, имевшая другие заботы, редко оказывалась достаточно свободной, чтобы путешествовать; она не могла равняться с Фрейдом в стремлении к перемене мест и в пожирающей страсти к осмотру достопримечательностей. Однако почти каждый день во время своих странствий Фрейд посылал ей открытку или телеграмму и раз в несколько дней – длинное письмо» [7; Vol. 2; 15]. Опять хочется отметить, как традиционно и неаналитически мыслит Джонс, когда дело касается его любимого героя. Любой человек, получающий удовольствие от общества своей жены на отдыхе, просто умерил бы свою страсть к осмотру достопримечательностей, чтобы сделать возможным ее участие. Рационализирующее качество этих объяснений делается еще более ясным в связи с тем, что Фрейд приводит другое основание тому, что он не путешествовал вместе с женой. В письме из Палермо, где он был вместе с Ференци, он писал жене 15 сентября 1910 года: «Мне ужасно жаль, что я не могу показать вам всем здешние красоты. Чтобы иметь возможность наслаждаться этим в компании семи или девяти или даже троих, мне следовало бы быть не психиатром и не основателем предположительно нового направления в психологии, а предпринимателем, производящим что-то полезное вроде туалетной бумаги, спичек или шнурков для ботинок. Учиться этому теперь уже поздно, так что придется мне наслаждаться путешествием эгоистически, но с постоянным чувством раскаяния» (цит. по [7; Vol. 2; 394]).

Нет нужды говорить, что Фрейд здесь прибегает к типичной рационализации – практически такой же, какие используют другие мужья, получающие больше удовольствия от отпуска в мужской компании. Здесь самое замечательное опять же – слепота Фрейда, несмотря на весь его самоанализ, в отношении проблемы собственного брака, и то, как он рационализирует ее без малейшего осознания этого факта. Он говорит о семи или девяти или хотя бы троих членах семьи, которых хотел бы взять с собой, когда речь идет о том, чтобы взять с собой жену – то есть о двоих; он даже принимает позу бедного, но значительного ученого, а не богатого производителя туалетной бумаги – все только для того, чтобы объяснить, почему он не захотел взять за границу жену.

Может быть, самое ясное выражение сомнительной природы любви Фрейда содержится в «Толковании сновидений». Вот каково его сновидение: «Я написал монографию об одном растении. Книга лежит передо мной, и я в этот момент разворачиваю сложенную цветную иллюстрацию. В каждый экземпляр книги вложено засушенное растение, как будто взятое из

гербария» [4; 169ff]. Из ассоциаций Фрейда я упомяну следующую: «Утром накануне я видел в витрине книжной лавки новую книгу, называвшуюся «Род цикламена», – несомненно, *монографию* об этом растении. Цикламены, подумал я, *любимые цветы* моей жены, и я упрекнул себя за то, что так редко вспоминаю о том, чтобы *принести* ей *цветы*, которые ей очень нравятся».

Другая цепь ассоциаций уводит Фрейда от цветка к совершенно другой теме: к его амбициям. «Однажды, вспомнил я, я действительно *написал* что-то вроде *монографии о растении*, а именно – диссертацию о растении кока (1884), которая привлекла внимание Карла Коллера к обезболивающим свойствам кокаина». Затем Фрейд размышляет о сборнике, выпущенном в честь Коллера, одного из редакторов которого он встретил накануне. Ассоциация с кокаином отражает амбиции Фрейда. Он выражает сожаление о том, что оставил изучение проблемы коки и тем самым потерял шанс сделать великое открытие. Это также упоминается в другом месте в связи с тем фактом, что ему пришлось оставить чисто исследовательскую деятельность, чтобы жениться.

Значение сновидения совершенно ясно (хотя Фрейд и не видит этого при собственном его толковании). Центральное место занимает *высушенное растение*, выражающее внутренний конфликт Фрейда. Цветок – символ любви и радости, особенно если этот цветок – любимый цветок его жены, а он часто забывает его ей принести. Однако его научные интересы и амбиции символизирует растение кока. Что Фрейд делает с цветами, с любовью? Он засушивает их и помещает в гербарий. Другими словами, он позволяет любви высохнуть и делает ее предметом научного изучения. Именно это Фрейд и сделал. Он сделал любовь объектом науки, но в его жизни она осталась сухой и стерильной. Научные интеллектуальные интересы были сильнее его Эроса; они задушили его и в то же время сделались заменой опыта любви.

Обнищание любви, выраженное в этом сновидении, также совершенно ясно показывает эротические и сексуальные желания и возможности Фрейда. Как ни парадоксально это может показаться, Фрейд питал относительно слабый интерес к женщинам и испытывал немного сексуальных побуждений. Несомненно, как утверждает Джонс, «его жена была безусловно единственной женщиной в жизни Фрейда» и «она всегда оказывалась на первом месте по сравнению с другими смертными» [7; Vol. 2; 386]. Однако Джонс также указывает на то, что «возможно, страстная сторона жизни померкла для него раньше, чем для многих других мужчин» [там же]. Верность этого утверждения подтверждается несколькими фактами. В возрасте сорока одного года Фрейд писал Флиссу, жалуясь на угнетенное настроение и добавляя: «Сексуальное возбуждение также бесполезно для такого человека, как я» [5; 227]. Ясно, что в этом возрасте его сексуальная жизнь более или менее закончилась. Другой случай указывает на тот же факт. Фрейд пишет в «Толковании сновидений», что однажды, когда ему было немногим больше сорока, он почувствовал физическое влечение к молодой женщине и почти невольно слегка коснулся ее. Он отмечает, что был удивлен тем, что возможность такого чувства «все еще» существует. В возрасте сорока шести лет он писал Бинсвангеру: «Сегодня, естественно, либидо старика выражается лишь в трате денег». Даже в этом возрасте лишь человек, интенсивность сексуальной жизни которого невелика, счел бы само собой разумеющимся, что его либидо утратило сексуальную направленность.

Если позволить себе определенную спекуляцию, я был бы склонен предположить, что некоторые теории Фрейда также являются доказательством его пониженной сексуальности. Он неоднократно подчеркивал, что половой акт может дать лишь ограниченное удовлетворение цивилизованному человеку, «что сексуальная жизнь цивилизованного человека серьезно ограничена», что «возможно, верно предположение о существенном снижении важности сексуальности как источника приятных ощущений, т. е. способа достижения цели жизни» [1; 76]. Фрейд объясняет этот факт, выдвигая гипотезу о том, что полное удовлетворение возможно, только если прегенитальные, обонятельные и другие «извращенные» побуждения не подав-

лены, и даже высказывает мысль, что «не только давление культуры, но что-то в природе самой сексуальной функции отрицает полное удовлетворение и побуждает нас обратиться в другом направлении» [1; 76–77].

Более того, Фрейд полагал, что после «трех, четырех или пяти лет супружество перестает доставлять удовлетворение сексуальных потребностей, обещанное ранее, поскольку все доступные противозачаточные средства мешают сексуальному удовольствию, оскорбляют тонкие чувства обоих участников и даже оказываются непосредственной причиной болезни» [2; Vol. 2; 421].

Рассматривая замечания Фрейда о его сексуальной жизни, можно предположить, что его взгляды на секс были рационализацией его собственной пониженной сексуальности. Несомненно, было много мужчин его социального положения, возраста и культуры, которые в возрасте около сорока лет не чувствовали, что период счастья, получаемого от сексуальных отношений, для них закончен, и которые не разделяли его взгляд на то, что после нескольких лет брака сексуальное благополучие переставало существовать, даже учитывая необходимость использования контрацептивов.

Сделав шаг дальше, можно также предположить, что и еще одна теория Фрейда имела функцию рационализации: а именно что цивилизация и культура являются результатом подавления инстинктов. Суть этой теории такова: поскольку я увлечен мышлением и поиском истины, я неизбежно испытываю мало интереса к сексу. Здесь Фрейд, как часто и в других случаях, обобщает собственный личный опыт. Он страдал снижением сексуальности по другим причинам, но вовсе не потому, что был так увлечен творческим мышлением. Сексуальная заторможенность Фрейда может рассматриваться как находящаяся в противоречии с тем, что в своих теориях он отводил центральное место сексуальным побуждениям. Однако это противоречие скорее видимое, чем реальное. Многие мыслители пишут о том, чего лишены и что хотели бы обрести для себя или для других. Более того, Фрейд, человек пуританских взглядов, едва ли был бы способен так откровенно писать о сексе, если бы не был так уверен в собственной добродетели в этом отношении.

Отсутствие у Фрейда эмоциональной близости с женщиной также выражается в том, как мало он понимал женщин. Его теории о них представляют собой наивные рационализации мужских предубеждений, в особенности касающихся потребности мужчины властвовать над женщиной, чтобы скрыть свой страх перед ней. Однако не следует делать заключение о непонимании Фрейдом женщин только на основании его теорий. Однажды он высказал его с удивительной откровенностью: «Великий вопрос, на который никогда не было дано ответа и на который я не смог ответить, несмотря на тридцать лет изучения женской души: чего женщина хочет? [Was will das Weib?]]» (письмо к М. Бонапарт, цит. по [7; Vol. 2; 421]).

Однако, говоря о способности Фрейда любить, мы не должны ограничиваться проблемой эротической любви. Фрейд не особенно любил людей в целом, когда отсутствовал эротический элемент. Его отношение к жене, после того как первый жар завоевания угас, было, несомненно, отношением верного, но довольно отстраненного мужа. Его отношение к друзьям-мужчинам – Брейеру, Флиссу, Юнгу и к верным последователям – тоже было далеким. Несмотря на апологетические описания Джонса и Закса, на основании писем к Флиссу, реакции на поведение Юнга, а со временем и Ференци, приходится признать, что Фрейду было не дано испытывать сильную любовь. Его собственные теоретические взгляды только подтверждают это. Говоря о возможности братской любви, он писал:

«Мы можем найти ключ в одном из так называемых идеальных стандартов цивилизованного общества: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Он общепризнан и несомненно старше христианства, которое горделиво предъявляет его как свою заповедь, но все же не очень древен: в исторические времена человек еще ничего о нем не знал. Отнесемся к нему наивно, словно встретились с ним впервые. В этом случае окажется, что мы не сможем подавить чувства

удивления им как чем-то неестественным. С какой стати нам так поступать? Что хорошего это нам даст? А главное, как можно совершить нечто подобное? Как это вообще возможно? Моя любовь представляется мне ценностью, которой я не имею права разбрасываться без размышления. Она налагает на меня обязательства, и я должен быть готов принести жертвы, чтобы их выполнить. Если я кого-то люблю, этот кто-то должен так или иначе заслужить мою любовь. (Я оставляю в стороне вопрос о том, какую пользу он может мне принести, а также его возможное значение для меня как объекта сексуального интереса: ни один из этих двух видов взаимоотношений не рассматривается, если речь идет о любви к ближнему.) Он будет достоин любви, если он так схож со мной в важных аспектах, что я могу любить в нем себя; достоин, если он настолько совершеннее меня, что я могу любить в нем свой идеал; я должен любить его, если он сын моего друга, потому что боль, которую испытает мой друг, если с ним что-то случится, будет и моей болью – я должен буду ее разделить. Однако если он мне не знаком и не может привлечь каким-либо своим достоинством или каким-либо значением, которое уже приобрел в моей эмоциональной жизни, мне будет трудно полюбить его. Я даже поступлю неправильно, если полюблю его, потому что моя любовь расценивается как ценность теми, кто мне близок; было бы несправедливо в их отношении, если бы я поставил незнакомца вровень с ними. Но если я должен любить его (именно той самой универсальной любовью) просто потому, что он тоже житель мира, как насекомое, дождевой червь или уж, тогда, боюсь, ему достанется лишь небольшое количество любви и для меня будет невозможно дать ему столько же любви, сколько я по всем законам разума должен сохранить к себе. Какой же смысл в столь торжественно провозглашенном предписании, если разум не советует нам ему следовать?» [1; 81–82].

Фрейд, величайший глашатай секса, был тем не менее типичным пуританином. Для него целью жизни цивилизованной личности являлось подавление эмоциональных и сексуальных импульсов и ценой этого достижение цивилизованности. Только нецивилизованная толпа не способна на подобную жертву. К интеллектуальной элите принадлежат те, кто, в отличие от толпы, способен не поддаваться импульсам и тем самым сублимировать их ради более высоких целей. Цивилизация в целом есть результат подобной неудовлетворенности инстинктивных импульсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.